

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Ворниковой Екатерины Дмитриевны, представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему: «Правовое регулирование внешней торговли услугами в цифровой экономике» по специальности 5.1.3. – «Частноправовые (цивилистические) науки»

Актуальность избранной темы исследования. Тема диссертации – «Правовое регулирование внешней торговли услугами в цифровой экономике», выбранная автором – *Ворниковой Екатериной Дмитриевной* – вне всякого сомнения представляется актуальной; трансформация способов оказания услуг, вызванная технологическими изменениями (всеобщая компьютеризация и общедоступность сети «Интернет»), - интереснейший предмет для изучения; еще более усиливает актуальность включение в проблематику внешнего аспекта – трансграничного оказания услуг. Изменение способов оказания услуг ставит значительное число вопросов как перед участниками отношений (проблемы субъекта отношений, защита от недобросовестных действий и проч.), так и перед государствами, для которых встает проблема надлежащего регулирования, которое не только обеспечит необходимый уровень свободы участников соответствующих отношений, но также и позволит реализовывать меры государственного регулирования, обеспечить достижение целей фискальной политики, а также позволит сохранить на должном уровне безопасность общества и государства; причем, безопасность не только информационную – ведь в лице разного рода «платформ» перед государством возникает еще одна среда, стремящаяся (как ранее транснациональные компании и диаспоры) к автономии в части регулирования своей деятельности (правила платформ),

вплоть до создания своего рода аналогов органов для разрешения споров¹. С учетом того, что различного рода трансгранично оказываемые услуги сложны для прямого регулирования, создают много вопросов в части их налогового администрирования, то в совокупности перед нами весьма значительный вызов для любой правовой системы.

Автор диссертации посвятил определенное место (*стр. 3 – 4 диссертации*) описанию актуальности выбранной темы. К примеру, по мнению автора, актуальность темы исследования связана со структурными изменениями, произошедшими в российской экономике в течение последних лет, «данные в цифровой форме стали ключевым фактором производства, появились новые технологии, что привело к значительному изменению существующих отношений»; далее автор указывает, что «создание цифровой экономики вывело правовое регулирование предпринимательской деятельности в сфере оказания услуг на надгосударственный уровень»; «важнейшей задачей – по мнению автора – стала разработка моделей правового регулирования, позволяющих соблюсти баланс между сохранением фундаментальных общественных ценностей, принципов права и беспрепятственным развитием новых технологий и их использованием во внешнеэкономических связях» (*стр. 3 диссертации*). Соглашаясь в целом с указанными выводами, тем не менее, отметим, что описание в работе актуальности исследуемых проблем представляется несколько общим, не иллюстрируемым конкретными примерами; кроме того, автор несколько «упускает» публично-правовой аспект проблемы (это видно и из анализа содержания работы в целом), хотя использование в названии работы слов «внешней торговли» прямо предполагает исследование не только частноправовых, но и публично-правовых аспектов, а имеющийся объем исследования в этой части, расположенный на *стр. 106 – 126 диссертации* (специальный параграф 2 «Государственное регулирование

¹ Подробнее см.: *Габов А.В.* Онлайн-урегулирование споров участников цифровых платформ (экосистем) // *Вестник гражданского процесса.* 2022. Т. 12. № 1. С. 208–235.

предпринимательских отношений в сфере внешней торговли услугами») не предоставляется в полной мере достаточным.

Цель и задачи исследования. Цель диссертации сформулирована следующим образом (*стр. 5 диссертации*): «выявление, постановка и предложение путей разрешения выявленных проблем правового регулирования предпринимательской деятельности в сфере внешней торговли услугами в условиях цифровой экономики».

Такая формулировка представляется не в полной мере корректной. Во-первых, согласно п. 2.1 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова диссертация на соискание ученой степени кандидата наук должна быть научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей важное значение для развития соответствующей отрасли знаний, либо изложены новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения и разработки, имеющие существенное значение для развития страны. Именно это требование и предполагает цель работы и ее соответствующую формулировку. Во-вторых, хотелось бы обратить внимание на то, что в задачи исследования разрешение ни одной проблемы не включено, только «выявление», «рассмотрение», «исследование», «анализ». В связи с этим, хотелось бы, чтобы автор диссертации в ходе публичной защиты сформулировал цель (или цели исследования), также указав на то, как эта цель (цели) были им достигнуты.

Автором сформулировано 10 задач диссертационного исследования (*стр. 5 – 6 диссертации*):

- выявить и охарактеризовать объекты предпринимательских правоотношений в сфере внешней торговли услугами;
- рассмотреть правовой статус субъектов предпринимательских правоотношений в сфере внешней торговли услугами;

- рассмотреть содержание предпринимательских правоотношений в сфере внешней торговли услугами и выявить их взаимосвязь в условиях цифровой экономики;

- выявить принципы правового регулирования предпринимательских правоотношений в сфере внешней торговли услугами в цифровой экономике;

- проанализировать теоретическую и практическую основу правового регулирования предпринимательской деятельности в сфере внешней торговли услугами;

- определить роль государственного регулирования общественных отношений в сфере внешней торговли услугами;

- исследовать правовую природу и значение неформальных регуляторов общественных отношений в сфере внешней торговли услугами в цифровой экономике;

- исследовать правовой режим деятельности цифровых платформ;

- проанализировать правовую природу договоров, опосредующих отношения в сфере внешней торговли услугами в цифровой экономике;

- проанализировать порядок и способы заключения договоров, опосредующих предпринимательскую деятельность в области внешней торговли услугами, а также особенности исполнения таких договоров.

При оценке поставленных автором задач несколько удивляет явный «перекос» в сторону «предпринимательской деятельности» и «предпринимательских правоотношений», тогда как участие иных субъектов порождает не меньшее количество проблем. Не повторяясь в части замечаний по цели работы, хотелось бы, тем не менее, указать на то, что ни одна задача (в тех формулировках, как их поставил автор диссертации), не предполагает решения какой-либо реальной проблемы в тех сферах, которые стали предметом внимания автора.

Структура работы. Диссертация состоит из введения (*стр. 3 – 15 диссертации*), трех глав (*стр. 16 – 199 диссертации*), заключения (*стр. 200 – 204 диссертации*) и библиографии (*стр. 205 – 236 диссертации*).

Первая глава «Элементы предпринимательских правоотношений в сфере внешней торговли услугами» (*стр. 16 – 85 диссертации*) состоит из трех параграфов: «Объекты предпринимательских правоотношений в сфере внешней торговли услугами» (*стр. 16 – 44 диссертации*), «Субъекты предпринимательских правоотношений в сфере внешней торговли услугами» (*стр. 45 – 62 диссертации*), «Содержание предпринимательских правоотношений в сфере внешней торговли услугами» (*стр. 63 – 85 диссертации*).

Как можно понять из названия первой главы, автор попытался исследовать специфику предпринимательских правоотношений (любых) в сфере внешней торговли услугами; по содержанию же первая глава несколько шире ее названия, поскольку автор в указанных параграфах неоднократно обращается к вопросам, возникающим в связи с процессами цифровизации экономических отношений. Уже в этой главе автор формулирует критерии разделения обычных отношений, в которых используются цифровые технологии и цифровых правоотношений; автор пишет (*стр. 38 диссертации*) о «необходимости разделять цифровую форму правоотношений, опосредуемых договорами оказания традиционных услуг, и цифровые правоотношения, опосредуемые договорами оказания цифровых услуг... Цифровое содержание правоотношений опосредуется не формой заключения и исполнения сделки, а особенностями объекта, который без цифровых технологий не может существовать»; автор также отмечает (*стр. 40 диссертации*), что «критерием разграничения традиционных услуг, оказываемых в электронной форме, и новых цифровых услуг является цифровое содержание услуг, то есть необходимость применения цифровых технологий для их оказания при исполнении договора. На практике такие договоры заключаются в электронной форме, но в данном случае порядок

заклучения сделки не имеет значения». Эти идеи в той или иной форме мы встречаем по тексту диссертации далее, они составляют и содержание некоторых положений на защиту. В качестве выводов из параграфа 1 первой главы на *стр. 45 диссертации* автор отмечает, что «Традиционные» услуги являются нематериальными, не имеют овеществленного результата, тесно связаны с личностью исполнителя. «Цифровые» услуги оказываются в автоматическом режиме при помощи цифровых технологий, находящихся под управлением исполнителя, и имеют результат в объективированной форме программного кода. Использование глобальной сети Интернет для оказания цифровых услуг обуславливает возможность применения к внешней торговле цифровыми услугами только одного способа – коммерческого присутствия иностранного исполнителя на территории государства заказчика услуг (способ № 3 по ГАТС), и только одного доктринального критерия иностранного элемента – национальности (государственной принадлежности) сторон сделки. Специфику цифровых услуг необходимо учитывать для эффективного правового регулирования».

Соответствующие идеи, высказанные автором диссертации, дискуссионны, но небезинтересны, тем более, что какой-то устойчивой теории, объясняющей отличие «цифрового» в праве от «не-цифрового», пока не имеется. Эта основная авторская идея вызывает вопросы (как минимум, в части того, не сужает ли тем самым автор сферу цифровых услуг); оппонент усматривает в этих выводах и некоторое противоречие с иным содержанием работы, поскольку автором активно исследуются именно традиционные (по его терминологии) услуги, но оказываемые с использованием цифровых платформ. В силу этого, оппоненту хотелось бы получить развернутое обоснование указанных авторских идей, высказанных в 1 главе, в ходе публичной защиты.

При анализе содержания параграфа 3 первой главы, в части рассуждений об инфраструктуре, оппонент полагает возможным указать автору на недостаточное исследование вопросов сущности платформ вообще,

и цифровых (онлайн) платформ, в частности (в том числе и в части охвата имеющихся источников²).

Вторая глава «Особенности правового регулирования предпринимательских отношений в сфере внешней торговли услугами» (стр. 86 – 143 диссертации) включает в себя три параграфа: «Основные принципы правового регулирования предпринимательских отношений в сфере внешней торговли услугами» (стр. 86 – 105 диссертации), «Государственное регулирование предпринимательских отношений в сфере внешней торговли услугами» (стр. 106 – 126 диссертации), «Негосударственное регулирование предпринимательских отношений в сфере внешней торговли услугами» (стр. 127 – 143 диссертации).

Название этой главы также несколько уже ее содержания, поскольку автор, как и в первой главе рассматривает не просто предпринимательские отношения в сфере внешней торговли услугами, но и затрагивает вопросы регулирования именно оказания услуг в условиях цифровизации.

В первом параграфе автор останавливается на принципах регулирования, выделяя по тексту традиционные принципы и т.н. «новые» принципы. С частью выделяемых автором принципов можно согласиться, тем более, что они уже указывались в отдельных источниках (к примеру, технологическая нейтральность), но некоторые идеи, названные принципами, вызывают сомнения. К примеру, не очень понятно, что означает «принцип стабильности и непрерывности функционирования цифровой экосистемы»? Его объяснение автором (стр. 98 диссертации) показывает, что в реальности автор имеет в виду нечто совершенно иное. Искусственным выглядит и «принцип цифрового легалитета» и «принцип анонимной аутентификации» - с последним вообще очень много вопросов. Выделение любых принципов не должно носить искусственный характер; очевидно и понятно, что принципы

² К примеру, см. работы оппонента, в которых данная тематика затрагивалась, но которые автор не использовал: *Габов А.В.* Цифровая платформа как новое правовое явление / Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 13 – 82; *Он же:* Правовое регулирование краудфандинга в России: учеб. пособие. Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2020.

не создаются ради них самих, а являются отражением определенных идей, между тем, говорить о том, что в части цифровой экономики такие идеи в полной мере сформировались; даже само определение цифровой экономики, да и многих ключевых явлений не устоялось (именно поэтому в этой сфере активно используется экспериментальное правовое регулирование), говорить о каких-то принципах просто рано; все, что мы пока имеем в этой сфере, это большой эксперимент, причем с не вполне понятными даже вызовами и угрозами.

Кроме того, как показалось оппоненту, автор совершенно упустил из виду текущую ситуацию всеобщей санкционной войны, которая оказывает очень значительное влияние на экономические отношения в мире, в том числе и с использованием цифровых технологий.

Название второго параграфа не показалось оппоненту удачным, более того, оно не в полной мере соответствует содержанию, которое представлено анализом правового регулирования.

Определенный интерес представляет содержание третьего параграфа третьей главы, где автор рассуждает о негосударственном регулировании. Тема эта весьма популярна, и уже являлась предметом внимания в целом ряде специальных работ (причем, автор в этом параграфе использовал не все имеющиеся по этой теме источники), тем не менее, здесь пока больше вопросов, чем ответов. Автор справедливо пишет, что «формируется «право платформ», которое фактически становится новым источником права наряду с нормативными правовыми актами» (*стр. 143 диссертации*). При этом хотелось бы отметить, что эта проблема существует не только для внешней торговли услугами, но и в целом как одна из проблем, которая порождена функционированием платформ. И, поскольку, эта проблема уже довольно давно выявлена, пора предлагать какие-то решения, а вот какие автор предлагает решения, хотелось бы понять в ходе публичной защиты и пояснений автора.

Третья глава «Договоры оказания услуг в сфере внешней торговли в условиях развития цифровой экономики» (стр. 144 – 199 диссертации) состоит из трех параграфов: «Договорные конструкции при использовании цифровых платформ в сфере внешней торговли услугами» (стр. 144 – 165 диссертации), «Виды договоров оказания цифровых услуг» (стр. 166 – 180 диссертации), «Заключение и исполнение договоров в сфере внешней торговли услугами с использованием цифровых технологий» (стр. 181 – 199 диссертации). Эта часть исследования, при определенных замечаниях и небесспорных выводах, показалась оппоненту весьма интересной и полезной с практической точки зрения.

Новизна исследования, аргументированность и достоверность выводов и положений автора. Автор работы определяет новизну своего исследования так: «работа является первым комплексным исследованием правового регулирования предпринимательской деятельности в сфере внешней торговли услугами в цифровой экономике. В диссертации выявлены проблемы правового регулирования внешней торговли услугами в цифровой экономике и предложены пути их решения. В частности, выявлены свойства цифровых услуг как объекта правоотношений, обоснована взаимосвязанность договоров в цифровой среде, определен правовой институт трансграничного оказания цифровых услуг, предложена систематизация новых правовых принципов, проанализирована правовая природа неформальных регуляторов, определен предмет договоров, опосредующих отношения в сфере внешней торговли услугами в цифровой экономике, а также выявлены особенности надлежащего исполнения договорных обязательств в исследуемой сфере» (стр. 7 диссертации).

Подобное определение новизны показалось оппоненту несколько спорным. Во-первых, вызывают возражения слова «первым комплексным исследованием»; понятие «комплексное» оппоненту показалось сколько неясным, столь и неточным; «первым» же оно точно не является, поскольку до автора соответствующую проблематику исследовали довольно много

авторов. Во-вторых, те проблемы, о выявлении которых автор пишет, как о новизне, также уже становились другими авторами. В-третьих, разного рода систематизации не могут быть признаны новизной. Новизна работы – это какие-то новые источники, обнаруженные автором, новые идеи, которые описывают решение какой-то задачи (или задач).

Говоря об аргументированности и достоверности положений диссертации, отметим, что список источников (*стр. 205 – 236 диссертации*) включает 347 позиций. В целом автором исследован довольно значительный объем различных источников.

Положения, выносимые на защиту. На защиту автором вынесено 9 положений (*стр. 7 – 12 диссертации*), которые по своему содержанию соответствуют задачам исследования.

В первом положении, выносимом на защиту (*стр. 7 – 8 диссертации*), автор указал, что им «обосновано, что в цифровой экономике процесс оказания ряда услуг становится автоматизированным, а результат оказания услуг существует в объективированной форме и может сохраняться посредством записи программного кода и применения иных цифровых технологий. Указанное позволяет провести различие между «традиционными» услугами (например, образовательные, юридические, бухгалтерские услуги) и «цифровыми» услугами (услуги допуска к сетевой инфраструктуре, доступа к цифровому контенту, облачные сервисы и другие новые услуги, появившиеся в цифровой экономике). Заключение и исполнение договора, предметом которого являются «традиционные» услуги, с помощью электронных либо иных технических средств не преобразует эти услуги в цифровые. Критерием отличия «цифровых» услуг от «традиционных» услуг является цифровое содержание, то есть необходимость применения цифровых технологий для их оказания вне зависимости от формы заключения и исполнения договора. Правовое значение выделения категории «цифровых» услуг заключается в

возможности определения специального предмета договора между пользователями и оператором цифровой платформы, а в ряде случаев – предмета договора, который заключают пользователи платформы между собой. Кроме того, данная категория позволяет выявить наличие иностранного элемента в цифровых правоотношениях».

Как уже отмечалось выше, тем самым автор пытается провести различия между традиционными и цифровыми услугами. Такое разделение оппоненту показалось не вполне ясным, как с точки зрения критерия, так и с точки зрения тех целей, которые могли бы эту идею обосновать. В самом деле, если мы задумаемся, а для чего такое разделение проводится (не говоря уже о критерии), то «на поверхности» мы не увидим каких-то целей, достижение которых повлечет изменение подходов в регулировании.

Автор весьма абстрактно раскрывает содержание критерия такого разграничения - т.н. «цифровое содержание» («необходимость применения цифровых технологий для их оказания вне зависимости от формы заключения и исполнения договора»); применение цифровых технологий, свойственно и «традиционным» услугам, о чем автор говорит по тексту диссертации. В связи с этим возникает вопрос: каково реальное содержание первого положения на защиту? Насколько его содержание сочетается с достижениями технических наук? Какую теоретическую и практическую ценность это положение имеет? На все эти вопросы оппонент хотел бы получить развернутые пояснения в ходе публичной защиты.

Во втором положении на защиту (*стр. 8 – 9 диссертации*) автор пишет, что им «обоснована необходимость разделения правоотношений, складывающихся при использовании цифровых платформ, на две группы в зависимости от сторон договора и содержания обязательств: (1) правоотношения между заказчиком и исполнителем, возникающие на основании договоров оказания цифровых услуг – основных договоров, (2) вспомогательные правоотношения, возникающие на основании договоров между оператором цифровой платформы и каждым её пользователем –

организационных договоров, необходимость заключения которых обусловлена применением цифровых технологий для исполнения основных договоров. Установлено, что по общему правилу операторы платформ как цифровые посредники не являются участниками основных договоров, заключаемых посредством платформы между заказчиками и исполнителями услуг, и действуют на основании договоров о предоставлении допуска к инфраструктуре, заключаемых с каждой из сторон основного договора (с пользователями платформы). Права и обязанности субъектов основного обязательства и цифровых посредников в сфере внешней торговли услугами в цифровой экономике возникают на основании самостоятельных договоров, которые фактически носят характер взаимосвязанных, потому что не имеют самостоятельной экономической ценности вне цифровой экосистемы».

У оппонента возник вопрос о новизне (подобного рода разграничение существует в российском законодательстве, в частности, регулирующем инвестиционную деятельность через платформы³) этого положения на защиту, соответственно, хотелось бы получить подробные разъяснения автора диссертации по этому вопросу.

В третьем положении на защиту (*стр. 9 диссертации*) автор пишет, что им «доказано, что трансграничное оказание услуг в цифровой экономике с точки зрения системного подхода может быть признано новой комплексной межотраслевой сферой общественных отношений. Предлагается выделить правовой институт трансграничного оказания цифровых услуг в качестве совокупности норм права, регулирующих внешнюю торговлю услугами с использованием цифровых технологий. Применимое частное право в отношениях между субъектами предпринимательской деятельности в сфере внешней торговли услугами определяется по месту нахождения исполнителя, которое в цифровой экономике устанавливается по критерию направленности его деятельности на субъектов, находящихся на территории

³ См.: Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

конкретного государства. Применимое публичное право определяется по месту нахождения исполнителя при учете двух обстоятельств: как направленности его деятельности на субъектов, находящихся на территории конкретного государства, так и физического расположения оборудования и серверов, используемых для оказания услуг».

Указанное положение показалось оппоненту несколько неравномерным. Первая его часть (два первых предложения) оппоненту показалась лишенной какой-либо теоретической и практической ценности. Во-первых, неясно, зачем понадобилось (кому и для каких целей) «что трансграничное оказание услуг в цифровой экономике с точки зрения системного подхода может быть признано новой комплексной межотраслевой сферой общественных отношений». Во-вторых, любая сфера общественных отношений регулируется комплексом норм частного и публичного права- иного просто не бывает, т.е., строго говоря, любую сферу общественных отношений можно точно также обозначить – вопрос для чего?

Что касается иного содержания этого положения на защиту, то в части «применимого частного права» выводы автора весьма любопытны, но (даже после прочтения всей работы) требуют дополнительных комментариев. А вот что касается «применимого публичного права», то здесь оппонент идей автора не понял и хотел бы дополнительных пояснений; кроме того, оппонент хотел бы отметить, что автором не исследованы проблемы экстерриториального применения права (к примеру, этим отличаются США), а это исследование могло бы скорректировать выводы автора.

Содержание четвертого предложения на защиту (*стр. 9 – 10 диссертации*) заключается в следующем: «обоснована систематизация новых правовых принципов, свойственных цифровым экономическим отношениям в сфере внешней торговли услугами: 1) принципы, относящиеся к использованию цифровой инфраструктуры и технологической составляющей работы цифровых платформ, в том числе: принцип стабильности и непрерывности функционирования цифровой экосистемы, принцип

технологической нейтральности; 2) принципы взаимодействия заказчиков и исполнителей при заключении и исполнении договоров в цифровой среде, в том числе: принцип доверия, принцип недопустимости включения в состав цифрового продукта дополнительных платных работ (услуг); 3) принципы взаимодействия государства и субъектов предпринимательской деятельности при оказании услуг с использованием цифровых технологий, в том числе: принцип цифрового легалитета (признания законом прав на цифровые объекты), принцип определения места нахождения исполнителя по критерию направленности предпринимательской деятельности на потребителей конкретного государства».

Здесь оппонент хотел высказать автору следующие замечания:

- во-первых, вынесение в качестве положений на защиту систематизаций требует объяснения того, какое регулятивное значение они имеют; сама по себе систематизация чего-либо большой теоретической и практической ценности не имеет;

- во-вторых, как было уже отмечено выше, оппонент принципиально не согласен с автором в части выделения большинства т.н. принципов «свойственных цифровым экономическим отношениям в сфере внешней торговли услугами».

В пятом положении на защиту (*стр. 10 диссертации*) автор утверждает, что им «Выявлено новое юридически значимое средство негосударственного регулирования отношений в сфере внешней торговли услугами в цифровой экономике. «Право платформ» как трансграничный правовой институт представляет собой совокупность правил поведения, разработанных операторами платформ и обязательных для пользователей. В отличие от *lex mercatoria*, который основан на последовательном и длительном применении одних и тех же правил, «право платформ» состоит из конкретных случаев одностороннего определения правил пользования платформами, в основе которых не обязательно лежит опыт длительного применения таких правил. В отличие от актов *soft law*, которые носят

рекомендательный характер и разрабатываются авторитетными организациями в определенной сфере, «право платформ» разрабатывается операторами платформ, которые являются одной из сторон пользовательского соглашения. При этом и «право платформ», и акты soft law приобретают обязательный характер только в том случае, если стороны договора выражают на это свое согласие в установленной форме. Установлено, что в правовой природе всех негосударственных регуляторов присутствует властный публично-правовой элемент в виде признания со стороны государства (для обычая), в виде делегирования (для актов саморегулирования) либо в виде обеспечения силой государственного принуждения при помощи любых способов защиты права, предусмотренных гражданским законодательством (для «права платформ» и актов soft law)».

Во-первых, такое средство регулирования было выявлено задолго до автора, и здесь возникает вопрос новизны.

Во-вторых, в связи с выявленными автором проблемами, хотелось бы понять сами решения, собственно, для этого и выполняется диссертационное исследование. Этих же решений в диссертации в целом и в указанном положении на защиту нет, соответственно, хочется получить в этой части пояснения автора диссертации в ходе публичной защиты.

Шестое положение на защиту (*стр. 10 – 11 диссертации*) сформулировано следующим образом: «Обоснована необходимость обязательного депонирования (фиксации) пользовательских соглашений и иных значимых документов, относящихся к функционалу цифровой платформы и способных повлиять на права и обязанности пользователей. В российской правовой системе полномочиями на депонирование (фиксацию) таких документов могут быть наделены Центральный банк, ФАС России или нотариусы. Реестр подлежащих фиксации документов должен иметь электронную форму, быть открытым и общедоступным. При этом публично-правовую обязанность по депонированию (фиксации) пользовательских соглашений необходимо возлагать не только на российских операторов

цифровых платформ, но и на иностранных операторов с учетом направленности их предпринимательской деятельности на потребителей, находящихся на территории Российской Федерации».

В целом такое предложение автора не лишено смысла, и при этом хотелось бы некоторой его детализации (к примеру, в части исполнения обязанности со стороны зарубежных платформ). Автор также предлагает соответствующие положения (о депонировании) включить ни много ни мало в ГК РФ (*стр. 13 – 14 диссертации* в части положений о внесении изменений в действующее законодательство). Как думается, соответствующее регулирование явно не уровня такого документа как ГК РФ, здесь, скорее, речь могла бы идти о специальном законе, регулирующем вопросы деятельности платформ.

В седьмом положении на защиту (*стр. 11 диссертации*) автор утверждает, что им «обосновано, что пользовательские соглашения, договоры о предоставлении облачных сервисов и договоры о предоставлении доступа к цифровому контенту по своей правовой природе являются договорами возмездного оказания услуг. Исполнитель обязуется оказать поименованные в договоре цифровые услуги, а заказчик обязуется оплатить их. При этом исполнение обязательств по оплате услуг производится специфически – действиями исполнителя, а не заказчика. Например, оператор цифровой платформы получает встречное предоставление по договору оказания цифровых услуг (пользовательскому соглашению) при исполнении иных договоров, которые связаны с ним. Во-первых, оператор платформы может получать комиссию от каждой совершенной на платформе сделки. Во-вторых, оператор платформы может монетизировать пользовательские данные через распространение рекламы с применением технологий обработки данных по договорам возмездного оказания услуг с третьими лицами и/или через предоставление третьим лицам пользовательских данных за плату».

Для оппонента остался загадочным столь категоричный характер выводов о правовой природе договоров в цифровой среде, учитывая многообразие применяемых технологий, о чем пишет сам автор в своей работе.

Восьмое положение на защиту (*стр. 11 – 12 диссертации*) - «Инфраструктура внешней торговли услугами в цифровой экономике не укладывается в традиционное определение рыночной инфраструктуры как системы субъектов, обеспечивающих свободное движение товаров и услуг на рынке, сложившееся в рамках наук предпринимательского и коммерческого права. Инфраструктура внешней торговли услугами в цифровой экономике подразделяется на две части: (1) организационная инфраструктура – совокупность операторов платформ и других субъектов, способствующих осуществлению внешней торговли услугами; (2) цифровая технологическая инфраструктура – совокупность цифровых платформ, технологий и коммуникаций, обеспечивающих возможность заключения и исполнения договоров в трансграничной цифровой среде. Цифровые платформы как ключевой элемент цифровой технологической инфраструктуры и как основа цифровых экосистем должны быть открытыми для пользователей. Частноправовым средством обеспечения открытости цифровых платформ представляется конструкция публичного договора» - вызывает вопросы о том, какие могут быть предложены публично-правовые средства обеспечения открытости цифровых платформ? Неясным для оппонента осталось и использование такого словосочетания как «конструкция публичного договора» - хотелось бы пояснений, что автор имеет в виду? К тому же, платформы бывают разные (как минимум, в соответствии с отечественным подходом). А потому возникает вопрос о приемлемости такого категоричного подхода. Опять же отмечу, автор при формулировании своих предложений не в полной мере учитывает текущую геополитическую ситуацию в мире, а этот фактор стоит учесть.

Девятое положение на защиту (*стр. 12 диссертации*) – «В цифровой экономике надлежащее исполнение обязательств по договорам возмездного оказания цифровых услуг заключается в совершении исполнителем активных действий. Во-первых, автоматизированный режим работы цифровой платформы или иной технологии, в результате использования которой заказчик получает полезный эффект, должен рассматриваться в качестве действий самого исполнителя. Во-вторых, исполнение обязательств перед заказчиком по договору оказания цифровых услуг не исчерпывается лишь пассивным предоставлением доступа к цифровой платформе, цифровому контенту либо иному объекту. Признак активных действий исполнителя услуг может быть выявлен при помощи принципов разумности и добросовестности. Действуя разумно и добросовестно, оператор платформы не только разрешает доступ пользователя на платформу, но и совершает ряд дополнительных действий по обеспечению работоспособности платформы, которые охватываются понятием надлежащего исполнения договора оказания цифровых услуг» - осталось оппонентом непонятым, и требующим подробных разъяснений с точки зрения его теоретической и практической ценности.

Выводы. Высказанные в настоящем отзыве замечания не препятствуют публичной защите диссертации Ворниковой Екатерины Дмитриевны, представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему: «Правовое регулирование внешней торговли услугами в цифровой экономике».

Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право), а также критериям, определенным пп. 2.1 – 2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6

Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Исходя из изложенного, соискатель *Ворникова Екатерина Дмитриевна* заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3. – «Частно-правовые (цивилистические) науки».

Официальный оппонент –
доктор юридических наук,
член-корреспондент РАН (право),
заслуженный юрист Российской Федерации,
главный научный сотрудник
ФГБУН Институт государства и права
Российской академии наук,

«23» мая 2023 года

Габов Андрей Владимирович

Подпись Габова А.В.
Научный отдел

Контактные данные:

Рабочий e-mail, рабочий телефон: gabov@igpran.ru; +7 (495) 691-33-81.

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 12.00.03 – «гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право».

Адрес места работы:

119991, Москва, ул. Знаменка, д. 10, ФГБУН Институт государства и права Российской академии наук, сектор предпринимательского и корпоративного права.